

СПЕЦИФИКА МЕЖТЕКСТОВОГО ДИАЛОГА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Д. И. ХАРМСА И Н. М. ОЛЕЙНИКОВА

Аннотация. В статье рассматривается своеобразие обоюдосторонних интертекстуальных связей между рядом произведений Д. И. Хармса и Н. М. Олейникова.

Ключевые слова: Н. М. Олейников; Д. И. Хармс; ОБЭРИУ; интертекстуальность.

Американский исследователь Т. Эпштейн в статье о творчестве Николая Олейникова справедливо указывает на то, что одной из ключевых особенностей его поэзии является наличие в ней бесчисленного количества реминисценций, аллюзий и даже прямых цитат из произведений чинарей-обэриутов, в которых, в свою очередь, содержится обширный по объему интертекстуальный диалог с Олейниковым [5, с. 239].

В данной статье подробно рассматриваются особенности межтекстовых связей, существующих между рядом произведений Николая Олейникова и негласного лидера обэриутов Даниила Хармса. Важно отметить, что ввиду тесного общения и ознакомления обозначенных поэтов с творчеством друг друга (а также отсутствия точных дат создания некоторых стихотворений) иногда практически невозможно установить, произведение которого из авторов явились первоисточником интертекста.

Прежде всего необходимо отметить, что образ самого Олейникова появляется в произведениях Хармса трижды. Хармс посвятил Олейникову стихотворение, в котором обращается к нему напрямую с такими словами: «Кондуктор чисел, дружбы злой насмешник / О чем задумался? Иль вновь порочишь мир?» [3, с. 347].

Наряду с остальными чинарями образ Олейникова появляется и в другой работе Хармса:

а Николай Макарович и Соколов
прошли, разговаривая о волшебных цветах и числах.
<...>

а Николай Макарыч хмурый
писал вопросы на бумаге [Там же, с. 285].

Кроме того, в хармсовской «Старухе» вероятнее всего именно Олейников явился прототипом образа Сакердона Михайловича: примечательно, что к моменту создания повести уже расстрелянный Олейников представлен в «Старухе» в качестве своеобразного проводника в мир мертвых.

Несмотря на то, что Олейникову чужды многие составляющие хармсовской поэтической системы (например, элементы зауми), интертекстуальный диалог поэтов проявляется на уровне самых разнообразных образных, сюжетных и стилистических составляющих их творчества, чему можно привести немало примеров. Вот начало стихотворения Хармса «Ваньки-встаньки» (1926):

ты послушай-ка карась
имя палкой перебрось
а потом руби направо
и не спрашивай зараз [3, с. 127].

Обращение к карасю как к равному собеседнику позднее появляется в «Карасе» Олейникова. Также отметим в приведенном произведении Хармса «oleyниковский» лексико-стилистический прием – употребление слов с характерными «просторечными» аффиксами: «мне сказали на ушко / что чудо явился / и царица Матушка / сама удивилась» [Там же, с. 128]. Интертекстуальность на уровне образов проявляется и в стихотворении «Осса» (1928):

На потолке сидела муха
ее мне видно из кровати
она совсем уже старуха
сидит и нюхает ладонь [3, с. 163].

Образы мух широко представлены в творчестве Олейникова. Так, например, «муха-старуха» появляется в «Пучине страстей» [1, с. 308]. В приведенном стихотворении Хармса встречается сравнение человека с кустом: «человек растет как куст» [3, с. 165]. Это корреспондирует с высказыванием лирического субъекта из олейниковского «Послания» (1932): «И я хотел бы стать таким навек, / Но я не куст, а человек» [2, с. 129]. Межтекстовый диалог возникает в стихотворениях без заглавия Хармса (1933) и Олейникова (1937) в виде общего образа птички. У Хармса читаем: «Птичка с маленькой головкой / о чем так жалобно свистишь?» [3, с. 312]. Лирический герой Олейникова, обращаясь к «птичке безрассудной с беленькими перьями», спрашивает: «Почему так жалобно / Песенку поешь?» [2, с. 164]. Оканчивается хармсовское произведение следующими строками:

птичка с маленькой головкой
выше облака летить
человек идет с винтовкой
птичку пулей застрелить [3, с. 312].

Вступая в диалог с Хармсом, Олейников предрекает неминуемую смерть не только птичке, но и своему герою: «Все равно погибнешь ты, / Так же, как

и я» [2, с. 164]. В несколько ином ключе образ птички встречается в другом стихотворении Хармса 1931 г., в конце читаем:

горюешь моментально
ты птичка соловей –
такой бы быть хотелось
и девочке моей [3, с. 273].

Желание лирических героев уподобиться птицам встречается в творчестве Олейникова в самых разных вариациях: «Хочу соловьем быть, хочу быть букашкой» [1, с. 255], «Но почему, скажи, с тобою мы не птицы?» [Там же, с. 231], «А стройностью торсов мы близки к орлам» [Там же, с. 255] и др.

Интертекстуальные связи между произведениями Хармса и Олейникова отчетливо проявляются в имени лирического героя стихотворения Олейникова «Перемена фамилии» (1934). Лирический субъект, изначально названный Александром Козловым, после посещения конторы «Известий» становится Никандром Орловым. Примечательно, что в самом новом имени героя проявляется раздвоенность: с одной стороны, фамилия становится благозвучной, с другой – нейтральное имя «Александр» сменяется на необычное «Никандр». Изменив имя и фамилию, герой меняет и мышление, что отражается в лексике и синтаксисе стихотворения: если до перемены имени герой мыслит более примитивно, использует в речи разговорные и просторечные обороты, то после наряду с ними появляются подчеркнуто поэтические фразы, словно принадлежащие другому лицу: «Печальные тусклые очи», «Тоска мое сердце сжимала» и др. [1, с. 272]. Имя «Никандр» встречается в двух произведениях Хармса: в рассказе-письме 1933 г., который начинается строками «Дорогой Никандр Андреевич» [3, с. 410], и в стихотворении «Вода и Хню», посвященном непосредственно Олейникову, где Никандр – имя жениха героини. В то же время фамилия «Козлов» в олейниковской «Перемене фамилии» очевидно апеллирует к произведению Хармса «Окнови Козлов» (1931). Козлов представлен там как герой-материалист, не обеспокоенный вопросами мироздания и религии, противоположность одухотворенного Окнова, убитый им в конце стихотворения, что вполне соотносится с условным замещением Козлова Орловым у Олейникова.

Интертекстуальный диалог Хармса – Олейникова устанавливается и на уровне тематики произведений. Мотив небольших по размеру отдельно взятых предметов, крайне значимый для поэтической системы Олейникова, нередко возникает у Хармса. Так, в одном из стихотворений 1929 г. лирический субъект решает пересчитать все предметы по пальцам: «Табуретка / столик / бочка / ведро / кукушка / печка / метла / сундук / рубашка / мяч / кузница / букашка» [3, с. 180]. Как и Олейников, в ряд неодушевленных вещей Хармс в данном случае вписывает птиц и насекомых.

288 | В хармсовской «Заумной песенке» интертекстуальность проявляется в приеме описания образа женщины, заключающегося в сравнении частей ее тела с разнообразными маленькими предметами:

Ваши грудки-пупочки,
Ваши кулачки.
Ваши ручки-хрупочки,
Пальчики-сучки [3, с. 355].

У Олейникова этот же прием с похожим синтаксическим оформлением появляется в стихотворении «Лидии»:

Ваши брови черные,
Хмурые, как тучки,
Родинки-смородинки,
Ручки-поцелуйчики [1, с. 238].

Л. Флейшман высказывает мысль о том, что творчество Олейникова следует рассматривать, как «обериутское автопародирование» [4, с. 10]. Действительно, в текстах поэта присутствует ироническая обработка мотивов, элементов и приемов обериутов, которыми те пользовались «всерьез». Существует яркий пример откровенной пародии Олейникова на произведение Даниила Хармса для детей «Веселые чижи»:

Жили в квартире
Сорок четыре
Сорок четыре веселых чижа:
Чиж – судомойка,
Чиж – поломойка,
Чиж – огородник,
Чиж – водовоз [3, с. 786].

В пародии Олейникова «веселые» трудолюбивые чижи становятся «тщедушными» чижками, подверженными разного рода порокам и болезням:

Жили в квартире
Сорок четыре
Сорок четыре
Тщедушных чижа:
Чиж-алкоголик,
Чиж-параноик,
Чиж-шизофреник,
Чиж-симулянт [2, с. 85].

Интертекст проявляется в виде диалога в хармсовской «Хню» и олейниковском стихотворении «Наука и техника». В «Хню» героиня «питалась корешком» [3, с. 288]. В «Науке и технике» лирический субъект сообщает: «Я ем сырые корешки, / Питаюсь черствой корою» [2, с. 113]. Интертекстуальный диалог превращается в своего рода спор в стихотворении Хармса,

написанном в сентябре 1937 г., когда Олейников был уже арестован, но еще не расстрелян. Вспомним строки о душе и науке из стихотворения «Таракан»:

Таракан к стеклу прижался
И глядит, едва дыша...
Он бы смерти не боялся,
Если б знал, что есть душа.

Но наука доказала,
Что душа не существует,
Что печенка, кости, сало –
Вот, что душу образует [1, с. 274].

Хармс в стихотворении 1937 г. выражает прямо противоположную точку зрения:

Потому что нет науки,
А бессмертье людям есть,
Я видал такие знаки.
Я слышал такую весть.
Очень скучно было б миру,
Человеку и душе,
Если б жил и бух в могилу!
И вот уже на том свете атташе [3, с. 368].

Учитывая внелитературные обстоятельства, можно предположить, что под «атташе» подразумевается Олейников, расстрелянный спустя два месяца после создания Хармсом данного произведения. Интертекстуальный диалог авторов проявляется в представленном случае в полемическом виде из-за несогласия Хармса со взглядами Олейникова на существование души.

Несмотря на существенные различия между поэтическими системами Хармса и Олейникова, писатели неоднократно вступают в обоюдосторонние интертекстуальные отношения, при которых возникает межтекстовый диалог, который проявляется на уровне тематики, фабульных элементов, художественных образов и стилистических приемов.

Литература

1. Олейников Н.М. Число неизреченного. М.: ОГИ, 2016. 510 с.
2. Олейников Н.М. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2000. 265 с.
3. Хармс Д.И. Век Даниила Хармса. М.: Зебра Е, 2009. 910 с.
4. Флейшман Л.С. Маргиналии к истории русского авангарда / Н. Олейников. Стихотворения. Bremen, 1975. С. 3–18.
5. Epstein T. The Dark and Stingy Muse of Nikolai Oleinikov / T. Epstein // The Russian Review. 2001. № 4. P. 238–258.

**THE SPECIFICITY OF INTERTEXTUAL DIALOGUE
IN THE WORKS OF D. KHARMS AND N. OLEINIKOV**

Abstract. The article discusses the features and the specificity of the intertextual connections in the works of D. Kharms and N. Oleinikov.

Keywords: D. Kharms; N. Oleinikov; OBERIU; intertextuality.